

А. И.
КУПРИН

Избранное

Юг благословенный

Александр Куприн

Живая вода

«Public Domain»

1927

Куприн А. И.

Живая вода / А. И. Куприн — «Public Domain», 1927 — (Юг благословенный)

«Целый день от Оша до Тарба, потом до Лурда и Пьерфита карабкался поезд в гору. В Пьерфите пересели в электрический вагон и доползли к сумеркам наверх в горный курорт Сен-Совер-Лебен. И во всю дорогу, то следуя рядом с ней, то ее пересекая, извивались и мелькали под мостами мелководные, быстрые, каменистые горные реки, стремительные речки, торопливые шумные ручейки, а вдали пенистые, узкие каскады повисли в горах белыми нитями. И чем выше, тем больше было этих «gaves» (потоков), как их называют в Верхних Пиренеях...»

© Куприн А. И., 1927

© Public Domain, 1927

Александр Иванович Куприн

Живая вода

Целый день от Оша до Тарба, потом до Лурда и Пьерфита карабкался поезд в гору. В Пьерфите пересели в электрический вагон и доползли к сумеркам навверх в горный курорт Сен-Совер-Лебен. И во всю дорогу, то следуя рядом с ней, то ее пересекая, извивались и мелькали под мостами мелководные, быстрые, каменистые горные реки, стремительные речки, торопливые шумные ручейки, а вдали пенистые, узкие каскады повисли в горах белыми нитями. И чем выше, тем больше было этих «gaves» (потоков), как их называют в Верхних Пиренеях.

Сен-Совер лежит по обеим сторонам крутобокой лощины, на дне которой бежит, то расширяясь, то суживаясь, весь в водоворотах, пене и блеске, гремучий Gave de Peau.

С чем сравнить этот горный пейзаж? Там, где он красив, – ему далеко до великолепной роскоши Койшаурской долины и до милovidного нарядного Крыма. Там, где он жуток, – его и сравнивать нельзя с мрачной красотой Дарьяльского ущелья. Есть местами что-то похожее и на Яйлу и на Кавказский хребет, но... давно известно, что у нас было все лучше!

Несмотря на позднее время, я успел пробежаться по главной горной дороге от Люза до легкого железнодорожного моста через речку, построенного по желанию Наполеона III.

Этот император, бывший адвокат из города Гама, очень любил свой юг и в особенности Пиренеи. Это он открыл Сен-Совер, вдохнул в него жизнь и дал первый толчок его сердцу. Не его вина, что этот благословенный уголок облюбовали американцы и англичане. Ведь давно известно, что там, где повелись жить мистер Доллар и сэр Фунт, – нам, простым смертным, не житье. Первейшие удобства комфорта здесь еще помещаются во дворе, под открытым небом, а суточная плата за номер и табльдот – как в ниццких отелях в сезонные месяцы. Впрочем – ничего. Мир еще очень обширен.

Меня поразило обилие воды. Она струится, плескается, журчит и скрежещет камнями повсюду: впереди вас и сзади, над вашей головой и под вашими ногами, бежит опростелью вдоль узких тротуаров, льется светлыми дугами из труб, белыми, клокочущими, яркими клубами бьет прямо из скал, падает с уступа в горах многоярусными водопадами.

Ночью я проснулся в своем гостиничном номере. Спросонья мне показалось, что на улице идет проливной дождь. Именно тот ливень, про который говорят: «разверзлись хляби небесные» и «льет как из ведра». Я босиком пошел затворить окно. На небе было тихо и звездно. Облака спокойно окутывали вершины гор. Ветер заснул. Но неумолчным шумом, ропотом, плеском, звонким говором полны были земля и воздух. Это – бежали горные воды.

Весь горный массив Пиренеев становится мало-помалу исполинским источником электрической энергии. Все эти быстрые реки, сотни говорливых речек, тысячи бырких, звонких ручейков – все они представляют собой неистощимый запас белого угля.

Их падение регулируется, их дикий разбег обуздывается системой каналов и шлюзов, их тяжесть и скорость, претворенные в электрические токи, уже дают свет городам и движение машинам. На каждом горном извороте вы увидите легкое здание с надписью «Электрическая станция». Из Пиренеев до Орлеана тянутся на шестьсот верст толстые металлические кабели, подвешенные десятками параллельных линий на массивных железных столбах. Скоро-скоро они дотянутся и до Парижа.

Здесь всего лишь начало того грандиознейшего предприятия, думая о котором невольно проникаешься почтением к человеческому гению. Скопидомы, жилистые люди, идолослужители сберегательной книжки, а как развернут какое-нибудь сооружение, – то только диву даешься: как это они с планетарной грандиозностью всегда умеют соединить изящество и остроумие!

Ах уж эти французы! Впрочем, не они ли – эти эгоистичные и бережливые люди – отдали все, что могли, для великой победы, отдали и трудовыми сбережениями, и драгоценной галльской кровью? Какая широта народной души!

Хорошо тому, кто рано просыпается и с рассветом выходит на воздух. В путешествии это верный подход к городу, стране и народу.

Первое, что я увидел, – был городской базар. Вообразите себе два старых, раскидистых платана; между ними крошечный фонтанчик, игриво бьющий дугой из каменной чашки, а слева и справа две деревянные скамьи без спинок. На скамейках сидят шесть старушек, все в черных одеждах и в черных широких шляпах, все, сторбившись, единообразно и быстро мелькают вязальными спицами и что-то беззвучно лепечут под плеск фонтана, склоняя друг к дружке мышиные головы. На коленях у них малюсенькие корзиночки, и в них овощи не связками, не пучками, а штучками – у одной шесть луковиц, у другой – четыре морковки, у третьей – два толстых развесистых порея, у следующей – один капустный кочан, дальше – чуть-чуть свеклы, а еще дальше – чуть-чуть стручков. И это – весь рынок.

«А может быть, это вовсе не рынок, – думаю я на секунду, – а первая репетиция какой-нибудь мистической пьесы Ибсена, Метерлинка или Андреева на огромной сцене, с отрогом Пиренейского хребта на заднем плане». Так странно и неправдоподобно это зрелище. И первая покупательница вовсе не рассеивает моей фантазии. Она очень стара, высока и костлява и также вся в черном. Она подходит к самой левой из старух, вытаскивает своей длинной, узкой, жилистой рукой со скрюченными пальцами один стручок из корзины, отламывает половину, остальное бросает обратно. Торопливо, по-беличьему грызя кожуру, она подходит к соседней старухе, потом к следующей и так до конца. И все пробует. Делается это молчаливо и поспешно. И так же молча, не купив ничего, быстрыми шагами она уходит за кулисы. В самом деле, кто мне поручится, что это была капризная покупательница, а не театральная фея Фисрис, обладающая, по пьесе, дурным, неживучим и вздорным характером, зная который мышиные старушки не подымали глаз от вязанья, а только тихо наклонялись одна к другой и беззвучно перешептывались?

В это утро, пока черно-лиловые горы медленно делали навстречу солнцу свой туалет, снимая с себя сначала тяжелые сизые одежды из густых облаков, а потом легкие, белые и розовые покровы туманов, я успел осмотреть все достопримечательности Сен-Совера. Их очень мало, и из них самые главные и самые сладостные – это бегущая, журчащая повсюду живая вода и зелень лугов, кустов и деревьев – такая нежная, свежая и благоуханная в августе, какой она внизу, на равнине, бывает только ранней весной. И от сена здесь разливается несравненный, неопишуемый аромат. На каждой улице, вдоль тротуаров, бегут прыткие струистые ручейки, а в них на каждом шагу опущены двухлопастные деревянные вертушки, которые крутятся с усердной быстротой. В жаркие дни это приспособление освежает воздух, но его можно приспособить и к прядильной мастерской, и к домашнему электрическому освещению.

Вот я вижу, как такой беспокойный ручьишко круто свернул вправо и нырнул в трубу, под мостовую. Но в заключении он побыл всего две секунды, выскочил на ту сторону улицы из-под земли и по крутому откосу стремглав мчится в ущелье, в бурный, клокочущий, кипящий Gave de Peau. Прыгает он с бугра на бугор по круче, змеится, обегая деревья, падает белыми отвесными каскадами, прыгает через камни, разбрасывая брызги и пенясь... Весь он – движение и упругая энергия. Он совсем похож на расшалившегося годовалого жеребенка, и мне хочется ласково сказать ему:

– Кось-козь-косенька (так в Зарайском уезде кличут молоденьких жеребят)! погоди, резвый кося, поймают тебя опытные люди на бегу, обротают, взнуздают и запрягут. Правда, побьешься ты и пофордыбачишь достаточно, но кто же устоит против человека? А там, глядь, – присмиренный, ручной, добежишь ты до Парижа и меня, французского гостя, будешь послушно возить каждый день по рельсам от площади Мюетт до Порт-Майо и обратно.